

СЕРИЯ "НЕОГОТИКА"

Густав Майринк  
СТРАННЫЙ  
ГОСТЬ



Ростов-на-Дону

 **ВЕНИКС**

2025

УДК 821.112.2(436)-31  
ББК 84(4Авс)6-44  
КТК 611  
М14

Перевод с немецкого Григория Шокина  
Иллюстрации Дмитрия Храмцова

Майринк, Густав.  
М14 Странный гость : [сборник] / Густав Майринк ; пер. с нем. Г. Шокина. —  
Ростов н/Д : Феникс, 2025. — 475 с. — (НЕОготика).

ISBN 978-5-222-42271-7

Добро пожаловать в мистическую Прагу. Место, будто существующее вне времени. Мир темных иудейских преданий, по окутанным мглой переулкам которого бродят безымянные и безликие создания из давно ушедших эпох. Сборник избранных произведений величайшего мастера «магического реализма» включает в себя культовый роман «Голем», чрезвычайно редкий цикл «Великий Магистерий. Повести об Алхимиках» и подборку мистических рассказов. Все произведения представлены в новых переводах. Бесспорное украшение сборника — потрясающие атмосферные иллюстрации популярного хоррор-художника Дмитрия Храмцова. Таинственная, оккультная, восхитительно лаконичная проза Майринка радует поклонников мистической литературы вот уже более ста лет и, кажется, не устареет никогда.

УДК 821.112.2(436)-31  
ББК 84(4Авс)6-44

ISBN 978-5-222-42271-7

© Перевод, составление, вступительная статья  
и комментарии: Григорий Шокин, 2024  
© Иллюстрации: Храмцов Д., 2024  
© Оформление: ООО «Феникс», 2024  
© В оформлении книги  
использованы иллюстрации  
по лицензии Shutterstock.com



# КАМНЮ СНИТСЯ, БУДТО ОН — ЖИР

Было на улице полутемно,  
Стукнуло где-то под крышей окно.  
Свет промелькнул, занавеска взвилась,  
Быстрая тень со стены сорвалась...  
Счастлив, кто падает вниз головой:  
Мир для него хоть на миг — а иной.

*Владислав Ходасевич (1922)*

Нередко в литературе случается так, что стоит какому-нибудь городу стать у видного писателя излюбленной декорацией или даже полноправным героем произведения, как его образ в общественном сознании — и даже порой в сознании тех, кто в этом городе и впрямь живет, — ощутимо видоизменяется. Диккенсовский Лондон отличается от породившего его реального прототипа ощутимо, и все же их родство отрицать невозможно. Санкт-Петербург Достоевского — темное отражение своего более осязаемого, но не менее монументального доппельгангера, и, кажется, даже в современном мире, стремящемся стерилизовать всякий неподдельный и неприрученный (то есть некоммерциализованный) дух старины, остается не менее фантазмагорическим и мистическим, чем во времена Федора Михайловича. Так и Дублин Джеймса Джойса, Троя Гомера — список можно продолжать; эти реальные города были преобразованы руками тех, кто жил и творил в них, обрели вторую жизнь в тени своих горожан-авторов — по мнению многих читателей, ставших обладать и даже *повелевать* местами и пейзажами, что доминировали в их собственной жизни.

Прага Густава Майринка (1868–1932) — город, до того красочно представленный на страницах «Голема», что его в пору назвать полноправным персонажем. «Город с тайным сердцебиением» — так отзывался австрийский писатель о месте, где прожил двадцать лет, начиная с 1883 года.

Первое, что точно стоит сообщить потенциальному читателю о романе Майринка: он очень странный, волнующе причудливый. Его можно читать как городское фэнтези или как литературную сказку почти по канонам Проппа; можно — как теософско-окультистское высказывание, облаченное в экспрессионистскую прозу. Текст горазд ходить неожиданными тропами, ибо почти ничто в нем не развивается так, как может ожидать даже начитанный любитель развлекательной литературы — ни в вопросе развития характеров, ни в раскрытии сюжета, ни в построении образов. И все же эта странность ощущается почти как побочный эффект, сторонний продукт увлеченности Майринка реальностью Праги — и всем тем, что лежит за пределами этой самой реальности. Возможно, страннее всего — тот факт, что эта диковинная эзотерическая история, изданная частями в 1913–1914 гг. и собранная под одной обложкой в 1915-м, была чрезвычайно популярным чтением в свое время и уже в 1921 году удостоилась первого русского перевода, выполненного журналистом и общественным деятелем Михаилом Павловичем Кадишем.

Это был дебютный роман для Майринка. Банкир, интересовавшийся теософией и оккультизмом (и, по-видимому, какое-то время являвшийся членом герметического ордена Золотой Зари), он обратился к писательству после того, как был заключен в тюрьму: за использование неких спиритуальных откровений в качестве руководства для политики инвестирования вверенных ему средств. До «Голема», конечно, были сатирические или фантастические рассказы, но роман поистине прославил Майринка-писателя. За первой крупноформатной работой последовало еще четыре: что-то очень даже на уровне дебюта («Вальпургиева ночь», «Белый доминиканец», «Ангел западного окна»), что-то ощутимо послабее («Зеленый лик»); все — пронизано метафизическими лейтмотивами. Но «Голем» так и остался самым признанным романом. Хотя его крайне часто называют источником вдохновения (или даже первоисточником экранизации, что совершенно точно ошибочно) для серии фильмов Пауля Вегенера об искусственном великане, прямых связей между ними и книгой исчезающе мало.

Написанная от первого лица, книга рассказывает о резчике камней Афанасии Пернате, жителе еврейского гетто в Праге (сам он, по-видимому, не еврей). Пернат страдает от странной амнезии; женщина, явно знающая его, умоляет

укрыть ее от преследователя, но герой не может вспомнить, кто она. Затем незнакомый мужчина дарит ему древнюю книгу, один из каббалистических фолиантов Талмуда — якобы для реставрации декоративной накладной буквицы... и далее вместе с Пернатом читатель устремляется в неведомое по галерее странных персонажей: зловещий старьевщик Вассертрум; одержимый отмщением студент Харузек; многомудрый архивариус Гиллель; прекрасная, но слегка не от мира сего дочь архивариуса Мириам... Путь героя пролегает через сны и видения, петляет между бытом шлюх и кукольников, труппных аристократов и глухонемых калек. Но что же сам Голем, легендарный искусственный человек из еврейского мифа? Где его зловещая тень в этом калейдоскопе?

Все дело в том, что Голем в романе Майринка если и появляется, то совсем не так, как можно было бы ждать. Это не буквальный глиняный человек, оживленный магическим образом, это — нечто вроде живучей идеи, «духовная болезнь» или, выражаясь чуть более современным языком, «меметическая угроза». Одним из персонажей это явление описано так: «Как в природе иные явления предупреждают об ударе молнии, так и здесь — жуткие знамения предвещают грозное вторжение фантома в реальный мир. Отшелушенная краска со старой стены приобретает подобие человеческой фигуры; в морозных узорах на оконном стекле прорисовываются черты застывшего лица. <...> Смотрит глаз на обычную ткань или складки кожи, а ум уже чувствует, что у него обнаружился непонятный дар видеть везде подозрительно многозначные формы, имеющие в наших снах огромный смысл».

Ключевые темы романа — это интерес к сновидениям и взаимозависимости снов и яви; борьба конкретики и символа и то, как прозаические повседневные вещи могут приобретать глубокий, даже тревожащий посыл; постижение смысла этих послылов — акт «спонтанного ясновидения», когда внезапно и единожды открывшийся второй слой смыслов превращает всю жизнь в некую *игру без имени*. Главным призом в этой игре выступает осознание самых глубинных механизмов взаимодействия индивида и реальности (и, пожалуй, обретение того самого «смысла жизни» в меру своей просветленности).

Голем — это ключевой символ. Вокруг него выстраивается множество повторяющихся по-разному образов, развивающихся через намеки по эллиптическим траекториям. Амнезия Перната сравнивается со стеной: «...особым методом, приложив немало усилий, мы как бы *замуровали* в нем болезнь», — после того, как читателю представлена история Голема, якобы до сих пор живущего в одном из домов гетто, в комнате без входа.

Эта комната, кажется, раскрывается в кульминационный момент романа — а в самом конце находят свой отголосок слова друга Перната, кукольника Цваха, о том, что Голем появляется раз в поколение. Да и множество других образов «отзываются»: луна, камень, рухнувший мост, Маг, арканы Таро. Особенно, конечно, интересен камень, сравненный со срезом жира — образ, явленный в первой же главе во сне героя, — символизирующий мертвое тело, неживую плоть Голема до колдовской трансмутации. Один из друзей Перната напрямую озвучивает философское значение противопоставления живого мертвому: «...и мы, живые существа, чем-то похожи на эту газету. Может, и нами играет невидимый, непостижимый “ветер”, гонит нас, куда захочет, а мы, наивные, верим, будто сами руководствуемся свободной волей? А что есть жизнь, как не таинственный вихрь». Идея находит развитие в неоднократно встречающихся в романе образах марионетки, куклы, истукана; сам оживленный именем Бога «робот» из глины, стоящий на грани одушевленного и неодушевленного, — это и есть тот самый камень, которому снится, что он — срез жира, живое тело. Образ человека (и всего мира) как мертвой куклы, оживающей лишь под влиянием внешней «божественной» силы, встречается еще в диалогах Платона: «Мы, живые существа, — это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью, ведь это нам неизвестно»<sup>1</sup>. Многие авторы ужасов, да и современные философы (кажется, в последнее время грань меж этих категорий истончается: вспомнить хотя бы Томаса Лиготти) исследовали это высказывание и развили его до настоящей темной доктрины, признанной либо ужасать (на самом деле мы никогда не были живыми), либо обнадеживать (где-то все-таки есть какой-то Творец), либо и то и другое разом (Творец есть, но он жесток, нездоров или непостижим). Но задолго до них к нему обратился австрийский банкир-сатирик Майринк. А если вспомнить о том, что еще до попыток оккультным образом обосновать инвестиции и сделаться истинным посвященным Майринк изучал мистические труды Алоиса Майландера (1843–1905), наследие «посланца Агартхи на Западе» Бо Инь Ра и трактаты Иоганна Баптиста Кребса-Кернинга, автора странного «Завещания», — в общем-то, вполне ясно вырисовываются «три кита», на чьих спинах и укрепился причудливый остров его (и не только его, как открылось впоследствии) художественной вселенной. Да, и Кернинг также, в развитие затронутой Платоном темы, пытался, расколов камень, найти в нем живой и податливый жир — в «Завещании» описывая процесс «дыхания» и «антидыхания». Оба процесса,

<sup>1</sup> Платон. Законы [пер. А. Егунова] // Собрание сочинений в 4-х томах; т. 4. — М.: «Мысль», 1994. — С. 93.

по его мнению, действуют в человеке по принципу сообщающихся сосудов, причем не только на физическом плане.

Опять же, возвращаясь к тому, что «Голем» — популярная для своего времени «книга-загадка, книга-мистика», может показаться странным, что в его основе — некая запутанная система символов. Разве сложный набор корреляций, для чьего понимания явно требуется информация извне текста, не отпугнул бы массового читателя? В том-то и дело, что нет, ибо все разрозненные фрагменты майринковской тайнописи наделяются явным значением и эмоциональной нагрузкой благодаря событиям в истории. Они действительно указывают на мистические темы — и, вероятно, те, кто хорошо в них подкованы, видят особый замысел в том, как Майринк их использует. Но к «Голему», рискну заявить, вовсе не обязательно подходить с солидным багажом оккультиста-практика, чтобы проникнуться его мистерией. Эта книга работает сама по себе в силу слегка маниакального, выводящего из комфортной зоны и смещенного в сторону от обыденности взгляда на многие вещи. Она напоминает неустанно: возможно, то, что предстает перед глазами обывателя каждый день, имеет очень большой смысл. Возможно, непомерно большой — сами по себе они неспособны удержать его в себе адекватным образом. Но и обыватель способен подобрать ключ (недаром именно так названа последняя глава романа). И обыватель в силу обстоятельств, не всегда от него зависящих, может заглянуть за ширму — и прозреть. Может, на всю жизнь. А может, лишь в конце жизни, падая головой вниз, — тут уж как повезет.

Именно тогда, в момент прозрения, Прага Майринка перестает быть просто городом (как и Петербург Достоевского). Да, та самая Прага, над которой Майринк-сатирик желчно измывается в маленьком одноименном очерке, помещенном в настоящей книге сразу после «Голема». Казалось бы — какое развенчание мифа! Но нет, это просто другой взгляд — такой подчеркнуто мещанский, но тоже занимающий важное место во всеобщей системе. Ведь без «инь» невозможен «ян»; именно в их столкновении жизнеподобный сон превращается в жутко похожую на сон жизнь, событие и обстановка накладываются друг на друга, место вдруг становится образом, образ — местом. Городские легенды формируют и оживляют эту в чем-то мещанскую историю, сплетая полотна были и небыли.

Собственно, если попристальнее взглянуть на тот же «Великий магистерий» — набор из трех повестей об алхимиках (вполне реальных, между прочим: практически все лица, описанные там, существовали на самом деле, о чем читателю, вооруженному интернетом, поисковой системой

и любопытством, несложно дознаться), то схема вырисовывается та же: в жизнь обычных людей входит чудо, воплощенное в философском камне и человеке, им обладающем, и они перестают быть прежними, всяк на свой лад. Но, допустим, барочное очарование повестей из «Великого магистерия» сегодня оценит не каждый. Да и ирония «Праги» или «Бесед с Луной» не выдерживает проверку временем — пусть; ну а мистика в «Лиловой смерти» или «Внушении» слишком наивна и винтажна — современный читатель призраков или древних проклятий не знает, что ли? Но вот с «Големом»... с «Големом» дело обстоит все же несколько иначе. И достойным аргументом в пользу сего утверждения как нельзя лучше прозвучат слова покойного известного российского фанткритика Романа Арбитмана: «“Голем”, как к нему ни относишь, выглядит ныне до боли современным, *пугающе* современным. Сегодня трансцендентное вновь вторгается в нашу жизнь <...> вновь явлены на свет фантомы — двойники исторических личностей, вылепленные из серой глины так, чтобы было пострашнее и чтобы ими снова можно было результативнее пугать <...> чтобы подстегнуть чье-то горячее безумие, дать пищу старым страхам, подготовить какие-то жутковатые перемены. И это значит, что перевоплощение Перната все-таки состоялось, фантазия обрела плоть: Голем *жив*»<sup>1</sup>.

*Григорий Шокин,  
весна 2024 г.*

---

<sup>1</sup> Р. Арбитман. Участь Кассандры: Статьи о фантастике и не только о ней. — Саратов: «Литера-П», 1993. — С. 69.



ГОЛЕМ



## Глава 1. Сон

Лунный свет падает на мою кровать, в ноги, и лежит там, словно большой светлый сплюснутый камень.

Когда полнолуние начинает сходить на нет и левая сторона ночного светила будто темнеет и дряхлеет — как лицо проваливающегося в старость человека, — в такие ночи меня окутывает мучительная скорбная хандра. Я не сплю и не бодрствую, и в полудреме в душе моей пережитое мешается с прочитанным и услышанным — будто речушки разной степени чистоты сходятся в главном мощном потоке.

Прежде чем лечь, я почитал о жизни Гаутамы Будды, и тысячу раз крутится у меня в голове одно место из книги: *«К камню, видом своим напоминавшему срез жира, прилетел ворон и подумал: нельзя ли тут пожить чем-нибудь вкусным? Но вкусного не нашлось, и ворон упорхнул прочь. Как тот ворон, что летел к камню, так и мы — грешники в вечных поисках — покидаем аскета Гаутаму, когда перестаем находить удовлетворение в нем»*. И образ камня, смахивающего на срез жира, вырастает в моих мозгах до чего-то безобразно-большого.

Я бреду по пересохшему руслу реки и подбираю шлифованные водой голыши, гальку. Серовато-голубые с вкрапленным блестящим песком — я думаю о них, думаю и все никак не пойму, что с ними делать, — потом черные с сернисто-желтыми пятнами, напоминающие наспех слепленные ребенком фигурки пятнистых саламандр. Зашвырнуть бы их подальше — но всякий раз каменный снаряд выскальзывает из руки, и я не успеваю отследить, куда же он упал.

И все те камни, что играли хоть какую-то роль в моей жизни, вот они — выплывают передо мной. Одни неуклюже стараются выползти на свет из-под песка, как блестящие, аспидно-черные крабы во время прилива, и будто любой ценой хотят завладеть моим вниманием, чтобы поделиться знанием большой, непомерной важности. Другие вестники — уставшие, изнемогшие — откапываются назад в свои норы-гнезда, уже не надеясь выговориться.



Иногда я вынырываю из мрака этих половинчатых грез и в какое-то мгновение снова вижу на свалывшемся в ногах одеяле лунный свет — как большой пласт сланца. Ну а потом вновь угасает сознание, и я опять вслепую нашариваю камень, тяготящий меня: наверное, гряда полночных воспоминаний скрывает его от меня...

Я представляю себе: рядом с ним на земле — отверстие водосточной трубы, изогнутой под тупым углом, с изъеденными ржавчиной краями. Я упорно желаю удержать этот образ, чтобы обмануть расстроенные мысли, убаюкать их в своем мозгу.

Не удается.

Снова и снова с глупой настырностью в душе бубнит своенравный, капризный голос — будто ставенка на ветру монотонно хлопает о стену: *ты думаешь — да, но, конечно же, «нет», и это не камень, похожий на жировик, а всего лишь обманчивый свет...*

И никак не спастись мне от этого голоса. Хоть сто раз возражу я ему в голове, что мой поиск имеет смысл, — он на кратчайший миг утихнет, а потом опять заведет: *ну ладно, ладно, пускай, но ты все же знай — никакой это больше не камень...*

Постепенно мной овладевает нестерпимое ощущение полнейшей беспомощности.

Что ждет меня дальше? Да если б я знал. Перестал ли я добровольно сопротивляться или же мысли осилили меня и сковали? Знаю только, что мое спящее тело лежит на постели и что чувства мои больше от него не зависят.

*И кто я теперь*, хочется вдруг спросить, но тут я вспоминаю, что у меня нет больше языка, позволяющего задать этот вопрос. Кроме того, боюсь, как бы не послышалось опять несносное бормотание; как бы не стало оно снова дурить мне голову камнями и жиром...

И я отворачиваюсь к стене.

## Глава 2. День

И вот вдруг я уже стою в каком-то мрачном дворе и через красноватую арку ворот вижу по ту сторону узкой грязной улицы еврея-старьевщика возле подвала.

Над дверью стена сплошь увешана всяким допотопным железным ломом: нерабочим инструментом, проржавевшими стременами, тупыми коньками

и множеством иной стальной мертвечины. Картина эта разит жалким однообразием, свойственным, в сущности, любому повседневному опыту — то есть, глядя на все это, я не испытал ни удивления, ни любопытства. Казалось, я вообще довольно давно живу тут, в этом доме. Хотя как же так вышло? Мирное оседлое чувство столь резко расходилось со всем, что еще недавно я знал и чувствовал; с этим бессознательным «вдруг», пришедшим на ум после моего появления здесь.

«Наверное, я где-то читал или слышал такое оригинальное сравнение камня со срезом жира», — мелькнула у меня неожиданно мысль, когда, восходя по истертым ступеням к себе в комнату, я обратил внимание на затрапезный вид каменной лестницы, тоже как будто бы зажиренной или осклизлой.

Тогда же я услышал чьи-то шаги на лестнице — кто-то по ней сбегал — и, уже подойдя к своей двери, столкнулся с четырнадцатилетней рыжей Розиной, дочерью старьевщика Аарона Вассертрума. Чтобы пройти мимо нее, пришлось зацепиться; она прижалась спиной к перилам, зазывно откинувшись назад. Ее голые по локоть руки просвечивали из густого мрака — по крайней мере, те их части, где кожа не отличалась крайней немытостью. Я отвел взгляд. Меня коробило от ее похотливой улыбки и воскового личика, так похожего на морду карусельной кобылки. Наверное, все ее тело такое: бледное, чуть дряблое, как у аксолотля, давеча виденного в лавке птичника. А эти рыжие ресницы... будто кроличьи, ей-богу.

Я юркнул в проем и хлопнул за собой дверь.

Из окна я увидел старьевщика Аарона Вассертрума. Он привалился к стене у мрачной арки и щипчиками обкусывал ногти. Может, Розина ему вовсе и не дочь, а племянница? Ну ни капли сходства не наблюдается.

Среди еврейских лиц, день ото дня мозоливших мне глаза на Ганпагас-се, я очень ясно различал все двенадцать колен израилевых. Отличия эти, похоже, не сглаживаются даже близким родством отдельных индивидов — не растворяется масло в воде, и все тут; и не выходит понять, кто здесь брат, кто отец, кто сын... Вот — человек из одного колена, вот — из другого; вот и все, что можно вычитать из черт их лиц.

И будь Розина хоть копией старьевщика — что бы это мне дало?..

Разные колена питают друг к другу скрытые ненависть и отвращение. Эти чувства иногда прорываются наружу вопреки даже тесному родству по крови. Но от гоев они этот антагонизм наловчились скрывать, как какую-то важную тайну. Ни один из них этой тайны не выдаст; в своем единодушии они похожи на ненавидящих друг друга слепцов, тянущих одну на всех лямку.

Кто-то вцепился обеими руками, кто-то — так, от силы палец приложил. Но всех сплачивает суеверный ужас перед неизбежной гибелью: та постигнет их всех, если лямка вдруг порвется и они, как бусы с нитки, разлетятся кто куда.

Розина — рыжая. Свойственный ей тип производит еще более неприятное впечатление, чем остальные. Мужчины из этого колена все как один узкогруды: у них длинные, курячи шеи с острым кадыком; они усыпаны веснушками так, будто у них на лице черти молотили горох; и им присуща до того сильная половая нужда, что их потряхивает при ходьбе. Борясь ежеминутно с огнем в чреслах, они ходят и трясутся — ни дать ни взять ипохондрики.

А с чего, собственно, я решил, что Розина в близком родстве с Вассертрумом? Я ни разу не видел ее в компании старика. Ни разу не слышал, чтобы они перебросились хоть бы и словом. Она проводила много времени у нас на дворе, когда не пряталась в доме, в темных дверных проемах и на лестничных клетках. Наверное, соседская молва как-то породнила ее со стариком, записала хотя бы в воспитанницы, но я уверен: все это беспочвенно. Вот бы вообще выкинуть эту Розину из головы! Напряженным взглядом я уставился вниз, на серую Ганпасгассе.

Будто уловив мой интерес, Аарон Вассертрум вдруг поднял голову.

У торговца оказалось уродливое неподвижное лицо с круглыми, как у рыбы, глазами и вздернутой верхней губой. *Экий паук*, подумал я: *чувствует легчайшее касание к своей ловчей сети, хоть внешне и притворяется абсолютно безучастным*. Чем он живет? О чем раздумывает? Каковы его планы? Да если б я знал.

На стенах его лавки, под сводом ворот, день изо дня, год из года висят все одни и те же мертвые, никому не нужные вещи. Я мог бы, даже и закрыв глаза, перечислить их: вот старая жестяная валторна с помятой клапанной трубкой, а рядом — выцветшая олеография, изображающая каких-то странных солдат неизвестной армады. Еще — связка заржавленных шпор, стянутая бахромчатым ремнем, и всякая другая никчемная «никому непотребщина»... А тротуар у порога до того захламлен грудями жестяной кухонной утвари, что поди шагни за этот самый порог лавчонки; без навыков эквилибриста — не выйдет ведь.

Всех этих товаров никогда не прирастало и никогда не убывало. Стоило случайному прохожему остановиться и прицениться к чему-нибудь, старик тут же зримо нервничал. Каким-то невероятно жутким образом он закатывал свою заячью губу и дребезжащим, без меры желчным тоном выдавал что-то

непонятное. У несостоявшегося покупателя тут же отпадала всякая охота переспрашивать, и он, ошеломленный, шел своей дорогой.

Аарон Вассертрум отвел глаза и теперь пристально-любопытно разглядывал голую кладку соседнего кирпичного дома. Что, интересно, он там видел? Дом ведь стоял тылом к Ганпаггассе, а его окна смотрели во двор! Лишь одно выходило на улицу.

Скрипнула дверь. В помещение, примыкающее к моим покоям — просторное, по типу студии живописца, — кто-то вошел. До моих ушей донеслись приглушенные голоса двух человек: мужчина и женщина вели оживленную беседу.

Едва ли старьевщик, стоя на улице, мог уловить их.

У моей двери кто-то шаркнул ногой, и я понял, что это Розина: стоит в царящем там, на лестнице, полумраке и все ждет, не сподоблюсь ли я затаскать ее к себе. А на пол-этажа ниже на лестнице, едва дыша, рябой подросток Лойза тоже подстерегает. Я почти слышу, как он ревниво сопит, закипая от неприязни ко мне. Он был бы рад подкрасться поближе, да только тогда Розина его заметит. Он знает, что в этой игре она — сторож, а он — вороватый лис. Но как хотелось бы, отринув всякую предосторожность, перемахнуть лестницу в два прыжка — и дать волю своим звериным порывам!

Я сел за рабочий стол, разложил перед собой кисти и стальные резцы. Но что-то дело не ладилось: руке не хватало твердости, чтобы совладать с тонкостями японской гравюры. Угрюмый и понурый быт дома не дает мне покоя, а взгляд то и дело застилают картины из прошлого.

Лойза и его брат-близнец Яромир оба всего на год старше Розины. Их отца, бывшего церковного пекаря, я почти не помню; сейчас они, кажется, на попечении одной старухи. Не ведаю, какой именно. Их так много в этом доме — попрыганных, что кроты по норам.

Она заботится об обоих мальчиках, точнее говоря — дает им пристанище. А за это они должны приносить ей все, что им удастся стянуть или выклянчить. Кормит ли она их? Не думаю, домой она приходит только под самый вечер. От кого-то я слышал, что ей платят за обмывание покойников.

Лойзу, Яромира и Розину я застал еще детьми, в пору невинных дворовых игр. С тех пор, однако, много воды утекло. Теперь Лойза весь день ходит по пятам за рыжей девушкой. Его домогательства бесплодны, и если он нигде не может ее найти, то встает, как часовой, у моей двери — и ждет со злобной гримасой, когда она тайком прокрадется под порог. Сидя за рабочим столом, я так и вижу, как он караулит на лестничной клетке и прислушивается, вытянув худую, костлявую шею.

Порой тишину нарушают чьи-то дикие стенания. Это глухонемой Яромир, сам не свой от животной страсти к Розине. Он слоняется по паркету и издает нечленораздельный не то вой, не то лай. Звук, впитавший самое низкое в этом существе, до того жуток, что я невольно ежусь и зябко повожу плечами.

Яромиру всюду мерещатся брат и Розина — буквально в каждом из тысячи грязных закоулков нашего дома. И повсюду он разыскивает их — в слепой ярости, гонимый одной-единственной мыслью: за братцем нужен глаз да глаз, дабы он не учинил над Розиной чего-то потаенного; такого, чего желал бы сам Яромир. Сдается мне, именно эти непрестанные муки инвалида то и дело подзадоривают Розину искать близости с его братом.

Когда ее влечение и готовность отдаться теряют силу, Лойза придумывает каждый раз новую мерзкую каверзу, чтобы заново взбудоражить похоть Розины. Тогда оба умышленно делают вид, будто калека застал их врасплох, и коварно заманивают опьяненного желанием глухонемого в темные коридоры, где заранее наставили предательских ловушек из ржавых бочковых обручей, стреляющих пружиной, если на них наступить, или из нагроможденных железных грабель зубцами кверху. Попав в ловушку, бедняга калечился до крови.

Время от времени, чтобы довести страдания парня до крайнего предела, Розина сама выдумывает Яромиру какую-то адскую муку, делая вид, что вдруг меняет в его отношении гнев на милость. От одной ее неизменной улыбки калека впадает почти что в транс; что уж говорить об исполненных шаловливого намека жестах, не оставляющих ему вообще никакой надежды на спасение. Как-то я видел, как он стоял перед ней во дворе, а она что-то говорила ему, так бурно артикулируя и жестикулируя, что казалось, бедняжка вот-вот грохнется в обморок от неистового возбуждения. Пот градом катился по его лицу от нечеловеческих усилий уловить смысл нарочито запутанного, торопливого сообщения.

Весь следующий день Яромир просидел в томлении на темной лестничной клетке полузаброшенного дома, стоящего поодаль на той же узкой и запаскуженной Ганпасгассе. Порой какой-нибудь прохожий кидал ему в шапку крейцер<sup>1</sup>-другой. Когда поздно вечером, полумертвый от голода и волнения, он захотел домой, названная мать уже давно заперла дверь и не пустила его на порог. Так и остался бедный калека с носом.

Веселый женский смех донесся до меня сквозь стены из соседних покоев.

---

<sup>1</sup> Название медных и серебряных монет ряда стран центральной Европы и Италии XIII–XIX столетий. — Здесь и далее — примечания переводчика.

Смех? Веселый смех в этих домах? Да во всем городе не найти человека, умеющего радостно смеяться!

Вдруг мне припомнилось: несколько дней назад старый кукольник марионеточного театра Цвах признался, что молодой приличный барин снял у него за немалую плату студию — очевидно, для того, чтобы без помех встречаться с избранницей сердца. Ему каждую ночь приходилось втайне, чтоб не заметили соседи, перевозить понемногу мебель нового жильца — недешевую, стоит заметить. Цвах довольно потирал руки, рассказывая мне о своей сделке, и тешился, как ловко все устроил: никто из соседей даже догадаться бы не смог о проделках влюбленной парочки. А главное достоинство помещения, словно специально созданного для тайных свиданий, состояло в том, что проникнуть в него можно было тремя разными путями! Один из них, самый древний и таинственный, вел через люк, вмурованный в пол студии. Даже через наш дом можно было незаметно покинуть это гнездышко. «Чердак-то общий! — смеялся Цвах. — Всего-то и нужно, что открыть железную дверь — ту, что рядом с проходом в вашу комнатушку... Что? Наглухо забита, говорите? Ерунда: со стороны студии она отворяется очень даже просто... а уж опосля — сами знаете, несколько шагов по коридору — и вы на лестничной клетке».

Из-за стены снова донесся беззаботный смех, возбуждая в моем воображении смутные воспоминания о другом роскошном жилище одной аристократической семьи, куда меня часто звали для мелких реставрационных работ ценных древностей.

Вдруг рядом слышится пронзительный крик. Я обратился в слух.

Железная дверь чердака неистово скрипит, а в следующее мгновение в мою комнату влетает дама. С распущенными волосами, бледная, как стена в побелке, в накинутаой прямо на голое тело — больше на ней ни клочка одежды — золотой парчовой ткани.

— Мастер Пернат, спрячьте меня!.. Ради бога! Ничего не спрашивайте, только спрячьте меня здесь!

Не успел я ей толком ответить, как дверь снова рывком распахнулась — и тотчас вновь захлопнулась. На секунду в проеме мелькнула оскаленная физиономия старьевщика Аарона Вассертрума, похожая на страшную маску...

...Пятно света появляется передо мной, и при луне я снова узнаю изножье кровати.

Сон все еще укрывает меня тяжелым шерстяным войлоком, а в памяти пульсирует отчеканенное золотыми буквами: *мастер Пернат... Афанасий Пернат.*

Откуда мне известно это имя?

Мне кажется — да, всего лишь кажется, — что когда-то давно-давно я где-то по ошибке взял чужую шляпу и удивился тому, что она так хорошо мне подходит, хотя отличаюсь я крайне нетипичной формой головы. Изучив подкладку столь универсального головного убора, я... да, по-моему, именно тогда увидел вышитое золотой нитью на белом фетре имя:

### АФАНАСИЙ ПЕРНАТ

От увиденного меня ни с того ни с сего обуял беспричинный страх.

Вдруг успевший уже позабыться голос, дознающийся о камне и жире, свистнул, точно стрела, у самого моего внутреннего уха. Я немедленно представил Розину — рыжую, слащавую, улыбчивую, — и мне удалось увернуться от стрелы, сразу канувшей куда-то во мглу.

Да, лицо Розины! Оно имеет бóльшую силу, чем этот злостный бубнеж. Что ж, теперь, снова спрятавшись в своей каморке на Ганпасгассе, я могу быть вполне спокоен.

## Глава 3. Литера

Если мое чутье, будто кто-то, соблюдая дистанцию, поднимается вслед за мной по лестнице с намерением зайти ко мне, не подвело, то теперь этот кто-то должен стоять где-то на последней ступеньке.

Вот он заворачивает за угол, где обитает архивариус Шемай Гиллель, переступает со стертого кафеля на лестничную клетку верхнего этажа, выложенную красным кирпичом. Вот он ощупью шарит вдоль стены — и сейчас, именно сейчас, с большим трудом разбирая впотьмах буквы, прочтет мою фамилию на дверной табличке.

Выпрямив спину, я встал посреди комнаты и взглянул на дверь.

Та отворилась. Гость вошел; сделал полшага навстречу ко мне, не снимая шляпы и не здороваясь. «Как к себе домой», — подумал я, но без возмущения: пусть себе.

Гость опустил руку в карман и извлек оттуда книгу. Он долго листал ее на моих глазах. Оправленная в металлический переплет, книга выглядела

экзотично: в ее обложку даже были вделаны какие-то драгоценные камни или имитации таковых. Найдя, видимо, какое-то нужное ему место, гость поманил меня к себе пальцем.

Раздел назывался «Иббур»<sup>1</sup>. Большая, выведенная золотом и киноварью первая буква «И» занимала почти половину всей страницы, которую я невольно пробежал глазами, и по краям слегка поистерлась. Судя по всему, этот дефект мне и предстояло исправить.

Литера не была наклеена на пергамент, как порой бывает в старинных изданиях. Я бы скорее поставил на то, что она состояла из двух листиков тонкого золота, спаянных в центре и концами охвативших пергамент по краям.

Значит, в странице вырезано отверстие? Ежели так, тогда на обороте я увижу ту же самую «И», как бы отраженную? Я перелистнул — и моя гипотеза подтвердилась.

Невольно я прочел и эту, и следующие страницы.

И продолжал читать, забредая все дальше и дальше.

Книга зывала ко мне, как зывает сон, разве что куда более понятным образом, без присущих Морфею кривотолков. Слова струились из невидимых уст, оживали, подступали ко мне. Они кружили вихрем передо мной, словно пестро одетые рабыни, устилали землю яркой листвой или рассывались, будто туман, в воздухе, уступая место следующим. И всякое слово, казалось, надеялось, что я остановлюсь на нем, а все прочие — отрину. Одни слова приходили заискивающе, с почтением, другие — как королевы, правда, постаревшие и побитые временем, со свойственным проституткам заломом уст и морщинами под грубым слоем отвратительного грима.

Одни миновали меня, поступали другие; я провожал взглядом длинные вереницы слов столь обыденных и безыскусных, что нечего было и надеяться сохранить их в памяти.

Потом они притащили женщину, целиком голую и рослую, словно истукан.

На мгновение эта женщина остановилась, подалась ко мне. Ее ресницы были такими длинными, что могли бы обвить, как кокон, все мое тело. Она молча указала на запястье своей левой руки: пульс в набухшей жиле бился, точно землетрясение; я чувствовал в ней жизнь целого мира.

<sup>1</sup> Иббур, по иудейским верованиям — душа покойного, при жизни бывшего праведным человеком; она иногда переселяется в душу живого — «оплодотворяет» ее, чтобы и далее нести положительные духовные импульсы в земной мир.



Процессия корибантов<sup>1</sup> шествовала навстречу мне. Какие-то незнакомые мужчина и женщина страстно обнимались. Я видел, как их призрачные фигуры наплывают издалека — тем более ясные, чем ближе подходило шествие. Звонкое, экзальтированное пение звучало совсем рядом. Глазами я выискивал в мельтешении фигур сливающуюся в объятиях пару.

Но пара обернулась единой фигурой — не мужчиной и не женщиной, а первородным Андрогинном, восседавшим на перламутровом троне. Корону Андрогина опоясывал обруч из красного дерева; будто жук-древоточец выгрыз в нем таинственные руны.

Вздымая пыль, прибежала отара маленьких заблудших овечек: их привел с остальной свитой гигантский Андрогин на съедение корибантам, чтобы поддержать в них огонь жизни.

Время от времени среди существ, струившихся из невидимых уст, попадались фигуры восставших из могил — с забинтованными или как-то иначе закрытыми лицами. Становясь передо мной, они голодными глазами всматривались в самое мое сердце, так что от ледяного страха цепенел мозг и кровь замирала в жилах — точно река, неожиданно перегороженная посреди русла исполинской скалой, сверзившейся с неба.

Миновала меня и женщина, чьего лица я не увидел вовсе: слишком быстро она его отвернула. Облачением ей служил плащ, сотканный из струящихся слез.

Процессия масок обтекала меня, танцуя и смеясь: я их ничуть не интересовал. Один только Пьеро задумчиво обернулся на меня и воротился назад. Встав прямо передо мной, он заглянул мне в лицо так, будто это зеркало, — и стал корчить такие гримасы, да так руками задорно махать, что я невольно стал ему подражать: то глазом подмигну, то плечом пожму, то губы трубочкой вытяну.

Но шута нетерпеливо оттесняют другие гости: все хотят узнать меня получше.

Ни у одного из этих новых существ, впрочем, нет определенных очертаний. Они — как жемчужные четки, нанизанные на скользкий шелковый шнур, как ноты на стане всеобщей мелодии, исполняемой незримым виртуозом.

Со мной уже говорила не книга. Говорил Голос. Он требовал чего-то от меня, но я не понимал, чего именно, как ни напрягался. Он пытал меня

<sup>1</sup> Корибанты (др.-греч. Κορίβαντες) — название мифических предшественников жрецов Кибелы или Реи во Фригии, в диком воодушевлении, с музыкой и танцами отправлявших служение великой матери богов.

жгучими, неясными вопросами; и, хоть и произносил живые, весомые слова, был, однако же, мертв и беззвучен.

Каждый шум в нашем мире располагает набором отголосков — равно как и всякая вещь отбрасывает лишь одну большую тень, но много-премного маленьких. Голос был обделен всяческим эхом; все его отзвуки давным-давно развеялись и истаяли.

До самого конца дочитал я книгу — и все еще держал ее в руках, как вдруг показалось, будто, пытливо перелистывая, изучал я не бумажный фолиант, а собственный рассудок. Все изреченное Голосом я носил в себе всю жизнь — где-то на задворках, в зашифрованных и отчасти позабытых сигналах. До сегодняшнего дня это знание пряталось от разумения...

Я смущенно заозирался.

Где тот человек, что принес мне книгу? Уже ушел?..

Вернется ли он за ней, когда я ее отреставрирую?

Или мне самому придется ее доставить?

Но я не мог вспомнить, назвал ли клиент свой адрес.

Я силился воскресить в памяти его облик — все тщетно.

Как он был одет? Стар или молод? Какого цвета волосы? Борода — есть или нет?..

Ничего, ну совсем ничего не мог я вспомнить. Отдельные черты, какие я себе рисовал, расплывались бесследно, стоило попытаться мысленно «сшить» их в цельный образ.

Я закрыл глаза и надавил пальцами на веки. Внутренняя темнота не откликалась.

Тогда я встал посреди комнаты, уставился на дверь — так же, как когда он вошел — и представил: вот сейчас он поворачивает за угол, пересекает лестничную клетку, читает мою дощечку на двери: «Афанасий Пернат» — и заходит.

Пустой номер.

Его облик не вспомнился.

Я видел на столе книгу и старался представить себе хотя бы ту руку, что вынула ее из кармана и подала мне, но не мог даже вспомнить, была ли рука эта в перчатке, была ли она гладкая или в морщинах, имелись ли кольца на пальцах.

Тут мне кое-что пришло на ум — четкая, назойливая догадка; блажь, если угодно. Надев пальто и шляпу, я вышел на лестницу, спустился во двор. Медленно поднялся обратно — медленно, медленно, точно так же, как гость.

Когда я отворил дверь, комната купалась в полумраке. Но как?.. Разве, когда я только что спустился во двор, не было еще очень светло?

Сколько времени я должен был простоять в колодце двора в раздумьях, чтобы время пролетело *так быстро*?

Я всего лишь попытался подражать походке и мимике незнакомца, но не смог их себе припомнить. На что я, собственно, рассчитывал — со своей-то пустой головой, с летописью мыслей столь же чистой, сколь только что изготовленный папирус? Чего я ждал?

Уж точно не того, что произошло дальше.

Моя кожа, мои мышцы, мое тело вдруг *сами*, без участия мозга, кое-что вспомнили.

Они повели себя так, как я не имел ни намерения, ни желания себя вести.

Мое тело будто вовсе не принадлежало мне!

Стоило мне сделать несколько шагов по комнате, как походка вдруг стала нескладной и чужой — как у человека, вот-вот готового опрокинуться навзничь.

Да, да, да, это была *его* поступь! Я *точно* знал: она как раз такая.

Тут же ко мне как бы «прилипло» чужое бритое лицо с выпяченными скулами и косо посаженными глазами. Хотя я и не мог себя видеть, я это *чувствовал*. «Это не я!» — рвался из груди испуганный крик, но связки не слушались. Рука сама собой нырнула в карман — и извлекла на свет Божий книгу... точь-в-точь как это сделал гость.

И вдруг я уже без пальто, без шляпы, сижу за столом — я, я, я, *Афанасий Пернат*.

Меня трепало от ужаса, сердце неистово колотилось, готовое разорваться. Фантомные персты, только что копавшиеся в моих извилинах, отцепились от моего существа, но до сих пор мне холодило затылок от их прикосновения.

Теперь я знал, каким был незнакомец. Я мог снова почувствовать себя на его месте, в любой момент — достаточно лишь захотеть. Но представить его, так, если бы он стал лицом к лицу со мной, я все еще не мог. Да и никогда не смогу...

Я понял, что он — *негатив*, незримая форма с непостижимыми очертаниями. Ежели я хочу воспринять его, мне нужно самому им стать, переняв его привычки и манеры.

В ящике моего рабочего стола валялась без дела жестяная шкатулка. Я решил, что в нее-то и спрячу книгу, — и только почувствовав, что временное



## Содержание

Камню снится, будто он — жир.....	3
ГОЛЕМ.....	9
Глава 1. Сон .....	10
Глава 2. День.....	12
Глава 3. Литера .....	18
Глава 4. Быт.....	24
Глава 5. Пунш.....	33
Глава 6. Ночь .....	44
Глава 7. Явь .....	54
Глава 8. Снег.....	61
Глава 9. Жуть .....	69
Глава 10. Свет.....	82
Глава 11. Забота.....	87
Глава 12. Гнет .....	105
Глава 13. Пыл.....	112
Глава 14. Щель.....	120
Глава 15. Плут .....	139
Глава 16. Плен .....	151
Глава 17. Май .....	160
Глава 18. Луна.....	171
Глава 19. Воля.....	185
Глава 20. Ключ.....	194
Приложение ПРАГА.....	203
I. Живописные виды.....	203
II. Горожане .....	204
III. Демонстрации .....	207
IV. Теплые приемы .....	209

## ВЕЛИКИЙ МАГИСТЕРИЙ.

ПОВЕСТИ ОБ АЛХИМИКАХ .....	211
Монах Ласкарис .....	212
Странный гость .....	310
Поляк Сендзивой .....	342

## РАССКАЗЫ

Зловещий доктор Дарашикух .....	384
Препарированный .....	384
Джинн в бутылке .....	389
Балаган с восковыми фигурами .....	397
Лиловая смерть и другие истории .....	407
Капля правды .....	407
Солдатская лихорадка .....	412
Урна в Сен-Женгольфе .....	417
Внушение .....	422
Царица Брегена .....	428
Лиловая смерть .....	432
Нефтяной мститель .....	440
Огонь терзаний жизнь объял .....	446
Не подлежит сомнению .....	450
Лягушка, лягушка .....	455
Беседы с луной .....	458
Семенники для советников коммерции .....	458
Лунный свет над Берлином .....	465
Зеркальные отражения .....	469

*Литературно-художественное издание*



**ГУСТАВ МАЙРИНК**

**СТРАННЫЙ ГОСТЬ**  
Сборник

Ответственный редактор *А. Васько*  
Технический редактор *Г. Логвинова*  
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.  
Тираж 4000 экз.

**Импортер на территории ЕАЭС:** ООО «Феникс».  
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,  
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150  
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в Турции. Дата изготовления: 08.2024. Срок годности не ограничен.

**Изготовитель:** «Билнет Матбаацилик Ве Яиницилик А.С.»  
(BILNET MATBAACILIK VE YAYINCILIK A.Ş)  
Адрес: Дудулли Орг. Сан. Болг. 1 кад: 16,  
Есенкент Умранье, Стамбул, Турция, 34776  
(Adres: Dudullu Org. San. Bölğ. 1 cad: 16,  
Esenkent Ümraniye, Стамбул, Турция, 34776)  
**по заказу и под контролем ООО «Феникс»**